

Убийство невесты

Инспектор уголовной полиции
Хиллари Грин

Книга третья

Фейт Мартин

Карьера Пресс

Глава первая

Инспектор Хиллари Грин ударила по тормозам древнего «фольксвагена-гольфа» и грязно выругалась в адрес подрезавшего ее «БМВ». Вот прижать бы его к обочине, да ткнуть водителя носом в удостоверение, да пугануть хорошенько — глядишь, и полегчало бы; но на работу она тогда наверняка опоздает. И потом, этих придурков на больших машинах вокруг столько, что если дать себе волю и мелко мстить каждому, то вообще никогда не доедешь.

Между лодкой, что стояла на вечном приколе в деревушке под названием Трупп, до стола в Кидлингтонском полицейском участке было не больше мили, но в сторону Оксфорда тянулась сплошная пробка. Небольшое вторжение в личное пространство, которое учинил водитель «БМВ», — это еще ничего, в иные дни и не такое бывало. Поэтому Хиллари ограничилась тем, что выставила в адрес водителя средний палец (этот паразит еще и по телефону говорил!), которого тот якобы не увидел, и тяжело вздохнула.

Изгородь из боярышника вдоль дороги наливалась огненно-рыжим цветом. Над тротуаром кружились опавшие желтые листья, летели в танце, поднятые ветром от

проезжающих машин, и повсюду были ярко-алые ягоды и низкие серые небеса. Китсу бы понравилось. Оставалось только надеяться, что осенние туманы еще хоть немного погодят, иначе дорога на работу и вовсе превратится в кошмар.

Сколько раз ей в этих ноябрьских густых туманах чудом не въезжали в зад — не хотелось и вспоминать.

Она включила радио, золотые олдовые шестидесятые, и чуть расслабилась: там кто-то заунывно жаловался на поезда, корабли и самолеты, которые увозят любимых прочь.

Хиллари фыркнула. Везет же людям.

Проезжая по главной улице Кидлингтона мимо светофора на повороте к местному аэропорту, она заглянула за угол, туда, где стоял ее прежний дом. Точнее говоря, прежний дом Ронни, почившего, но отнюдь не оплакиваемого супруга Хиллари, который вот уже два года как оставил этот мир. Эх, если бы какой-нибудь поезд, корабль или самолет очень кстати увез этого самого Ронни лет эдак десять или двенадцать назад, она, Хиллари, еще и приплатила бы.

Добравшись наконец до участка, она привычно покрутилась в поисках свободного пятачка, лениво гадая, какую же задницу нужно ублажить, чтобы получить собственное место.

Наконец она пристроила машину под сумахом во всем его багряном великолепии и с сомнением посмотрела в хмурое небо. Хотя какие уж тут сомнения. Осень в Британии — это дожди. Да и лето тоже, если уж на то пошло. Оставалось только надеяться, что Пуфф Трагический Вагон выстоит и не даст течь. Не хватало только вечером после работы обнаружить, что ты теперь гордая владелица насквозь промокшего автомобиля.

Хиллари подхватила валявшуюся на пассажирском сиденье почту, еще не вскрытую, и качнулась наружу, выставив пару ног, на удивление неплохих для особы ее лет. Хоть бы только не посадить зацепку на колготки, взмолилась она про себя. Эти проклятые колготки вечно рвались, и на них приходилось спускать целое состояние.

— Доброе утро, шеф, — сказал кто-то, когда она толкнула дверь главного входа. Обернувшись, Хиллари обнаружила констебля Томми Линча, изрядного громилу, который ловко нырнул в дверь за ней следом и широко улыбнулся.

— Привет, Томми. Совпали дежурствами?

— Похоже на то.

Они вместе направились в главный офис, где Хиллари делила уголок с сержантом Джанин Тайлер, Томми и сержантом Фрэнком Россом.

Вся ее команда.

— Вы сегодня после обеда в суд, да, шеф? — спросил Томми, заметив, что инспектор надела один из лучших своих костюмов, хитроумное сочетание темно-синего и белого, которое ловко скрывало изгибы ее фигуры, превосходя в этом все прочие, не столь мужские по силуэту наряды Хиллари.

Томми такие костюмы терпеть не мог.

— Да, дело Гордона, — мрачно кивнула Хиллари, и Томми сочувственно скривился.

Рэндольф, он же Рэнди Гордон, занимался тем, что поддельывал паспорта, кредитные карты, справки о больничном, черт, да что угодно, хоть разрешения на ношение оружия, и попадался копам уже дважды. На этот раз Хиллари поймала его на горячем, прямо с пачкой поддельных документов, предназначавшихся для нелегальных мигрантов, но адвокат парня прицепился к нарушениям в процедуре

ареста, и теперь по всему выходило, что Гордон выйдет сухим из воды.

— Эх. Сочувствую, шеф, — негромко произнес Томми.

Хиллари вздохнула в ответ, но одновременно с этим уже сбросила пальто и перекинула его через спинку стула. Располагавшаяся напротив дверь кабинета главного инспектора Филипа Мэллоу по прозвищу Мякиш была плотно прикрыта, и Хиллари стало любопытно, на месте ли ее непосредственный начальник и по совместительству друг, которого она знала двадцать с лишним лет. Не на месте — так ему и надо, мерзавцу.

Весь участок знал, что дважды разведенный главный инспектор Мякиш Мэллоу вовсю крутит с сержантом Джанин Тайлер, хоть вместе они и не живут. Кроме того, слухи гласили, что эта неподходящая связь окончательно угробила шансы Мэла получить должность суперинтенданта после того, как уйдет на повышение Маркус Донливи, их нынешний начальник.

Маркус должен был сменить лычки еще в январе, но дело затянулось из-за какой-то ерунды, и на повышение он шел только сейчас. И пожалуй, только святая не задумалась бы — а не светит ли ей, Хиллари, должность главного инспектора, и, возможно, совсем скоро?

Но в то время на то имелись свои, весьма серьезные препятствия. Ублюдок Ронни погиб в аварии, а после его смерти всплыли кое-какие серьезные обвинения — коррупция. За подозрением последовало расследование, и все в итоге подтвердилось. Хуже того, в ходе внутреннего расследования ищейки какое-то время плотно присматривались к самой Хиллари. Однако разведены они были давно и Хиллари не имела никакого отношения к торговле животными товарами, которой занимался Ронни, что и было должным образом установлено.

Конечно, шансов на повышение ей это не прибавило, зато как раз тогда она раскрыла одно особенно заковыристое убийство.

Нынче она, конечно, давно уже и думать позабыла о повышении. Мэл как сидел в кресле, так и сидит, и простому инспектору уголовной полиции рассчитывать было не на что.

Мысленно пожав плечами, Хиллари отбросила думы о Мэле. Он не хуже прочих понимал, что вляпался по полной, а ведь честолюбия у него было хоть отбавляй. Так почему он до сих пор, год уже почти, вьется вокруг такой неподходящей девицы, как Джанин Тайлер?

Помяни дьявола, он и явится, сухо усмехнулась Хиллари и улыбнулась про себя, глядя, как в двери вошла Джанин Тайлер. Что ж, по правде говоря, причины, по которым Мякиш Мэллоу никак не мог расстаться с подчиненной, были, что называется, налицо. Джанин была просто типичная блондинистая секс-бомба. Она была молода — еще и двадцати семи не исполнилось, — при ней были и длинные золотистые волосы, и голубые (а как же иначе) глаза, и худощавое атлетическое сложение, составлявшее предмет всеобщей лютой зависти.

Хиллари была не то чтобы счастлива узнать об их интрижке. Джанин, скромный сержант, была подчиненной самой Хиллари, которая подчинялась Мэлу, а тот подчинялся Донливи и дальше вверх по пищевой цепочке. Беда была в том, что Джанин полагала, будто близость (во всех отношениях близость) с главным инспектором позволяет ей действовать через голову Хиллари. Эта ошибка стоила обеим нескольких неприятных моментов в прошлом. Впрочем, теперь все более-менее утряслось, хоть Хиллари и понимала, что Джанин предпочла бы работать с другой начальницей.

Ну да жизнь есть жизнь. Дай этой самой жизни шанс, и она тут же вцепится тебе в задницу.

— Джанин, — приветливо произнесла Хиллари, когда хорошенькая светловолосая подчиненная садилась за стол. — Есть подвижки по пожару на складе?

— Поджог, босс. Ясно как день, — ответила Джанин, и они пустились в обсуждение вчерашнего дня, посвященного допросу начальника пожарной охраны, свидетелей и владельца склада.

Томми сосредоточенно набивал на компьютере данные по собственным делам, но на миг остановился, когда мимо него ленивой походкой прошел Фрэнк Росс, благоухавший куревом и бухлом. Херувим вонючий, как его называли за спиной — а иногда и в лицо, — выглядел нынче еще потасканней обычного. Он грузно плюхнулся за свой стол и взялся за первую страницу какого-то отчета, хотя Томми видел — не читает, и даже почти не притворяется. Уж скорей бы этот Росс свалил на пенсию. Этого дня ждали как праздника все в Кидлингтонском участке, от сержанта при входе до старшего констебля. Только Фрэнк Росс все никак не хотел сделать такой подарок общественности.

Хиллари, которая работала с бумагами куда более усердно, примерно час спустя сделала перерыв и решила посмотреть почту.

Все те же, все там же — счета, рекламные буклеты и посулы новой жизни, которая непременно случится, если подпишешься на каталог по почте. Все это она быстро разгребла, что в мусорку, что отложить. Но при виде знакомого логотипа на последнем конверте сердце Хиллари подпрыгнуло. Письмо было от ее старого доброго друга и поверенного Грэма Вогана. Она вздохнула, открыла конверт, прочла короткое сухое письмо, и сердце у нее упало.

С полгода назад, когда она вот-вот должна была всту-

пить в наследство и получить дом, а внутреннее расследование наконец-то очистило ее имя от подозрений, Хиллари получила письмо от Армии защиты вымирающих видов (или попросту АЗВВ), в котором сообщалось, что Армия намерена наложить лапу на ее дом.

Доводы Армии были просты. Ронни Грин зарабатывал незаконной торговлей животными, которые принадлежали к вымирающим видам. Следовательно, решила Армия, она имеет моральное и юридическое право вытребовать его имущество с тем, чтобы профинансировать борьбу за защиту этих самых видов. И все бы хорошо, все бы прекрасно, вот только Ронни так хорошо припрятал свои несправедно нажитые денежки, что найти их не смогла даже полиция, которая на таких делах собаку съела. Из всего его имущества АЗВВ могла претендовать разве что на дом.

Дом, который принадлежал Хиллари, черт возьми.

До сего дня Грэм изо всех сил сдерживал этих ребятков, не давая им подать в суд. В письме он сообщал, что АЗВВ в лице председателя оксфордского отделения согласилась лично встретиться с Хиллари и Грэмом послезавтра, чтобы обсудить возможность обоюдных договоренностей.

Ну просто обхохочешься.

Хиллари сунула письмо и счета в сумку и подняла взгляд как раз вовремя: вошел Мякиш Мэллоу. Выглядел он, как всегда, словно только что из мужского модельного агентства.

Хиллари отметила, что Джанин поглядывает на Мэла довольно собственнически, и прикинула, не звонят ли уже вдали свадебные колокола. Если грянут, тогда Джанин почти наверняка переведут в другое подразделение, а значит, Хиллари выдадут для дрессировки какого-нибудь другого сержанта. Нельзя сказать, чтобы это ее расстраивало.

Войдя в кабинет, Мэл ослабил узел серого шелкового галстука и расстегнул золотые запонки с ониксом. Он поставил на стол чашку кофе, который собственноручно сварил в стоявшей тут же кофемашине, и погрузился в свои непосредственные обязанности. Сегодня ожидалось явление нового суперинтенданта.

Что и говорить: узнав о том, что Маркус идет на повышение, а вместо него пришлют какого-то хлыща из столицы, Мэл совсем раскис. А потом было еще хуже — когда Донливи, не привыкший ходить вокруг да около, прямо сказал, что одной из причин, по которым его, Мэла, обошли с повышением, были его шашни с Джанин Тайлер.

Мэл прекрасно понимал, что два развода — то еще украшение для послужного списка. В наши дни развод есть за плечами у каждого, кому за тридцать, но у Мэла их было два, и этот факт ставили ему в вину как проявление безответственности. Но сам он был ни в чем не виноват.

Для начала он совершил классическую ошибку — женился слишком рано. Неполных два года спустя они подали на развод по обоюдному желанию и разрешили эту проблему оперативно и более-менее безболезненно, даже почти мирно. И не то чтобы Мэл потом пустился во все тяжкие. Он не спешил снова связывать себя узами брака и уж точно не собирался повторять собственные ошибки. Да что там, второй его брак, женитьба на чрезвычайно состоятельной вдове, пролил бальзам на сердце начальства. Мэл с новой женой быстренько состряпали сына, и десять с лишним лет все было тип-топ, очень славно и надежно. Он не мутил воду — вожжа попала под хвост жене, которая принялась твердить, что не может больше выносить жизнь в таком захолустье, как Кидлингтон, что хочет вернуться в Лондон, к своей галерее, к друзьям-снобам.

И что он должен был делать? Оспаривать развод? Нет, конечно. Так или иначе, все разрешилось к его полному удовлетворению. Финансовый вопрос — зыбучая трясина современного бракоразводного процесса — в кои-то веки был решен в пользу мужского пола. В итоге Мэл стал обладателем собственного жилища в Торфяниках — районе Кидлингтона, а алиментов не платил вовсе, тем более что первая жена тоже успела выйти замуж еще раз.

Господи, ну какой из него Казанова! Да, Джанин младше его на добрых двенадцать лет или около того — а еще она светловолосая, красивая и звания всего-навсего сержантского. Он знал, что охота у собственной норы — самый тяжкий из всех его грехов. Но не монах же он! И будь он проклят, если отступится.

И все-таки ему хотелось подняться повыше хотя бы для того, чтобы было что предъявить второй жене, ну и ради сына тоже, конечно. Парню нужен отец, которым можно гордиться. И — да, он не врал себе: самому ему тоже ой как хотелось сесть в высоком кабинете. Он выглядел и одевался как успешный представитель среднего класса на руководящей должности, но на задворках его сознания вечно маячила память о более чем скромном происхождении. И будто мало того: Джанин вдобавок постоянно намекала, что хочет переехать к нему, и то, с какой энергией он отбивал ее поползновения, несомненно, указывало на простой факт: у Мякиша Мэллоу что-то неладно.

Надо работать. Он вздохнул и взял папку с отчетом о возможном убийстве некоей Джин Рэдклифф. Одинокaя женщина средних лет, которую кокнула (а может, и не кокнула) замужняя, задерганная и куда менее состоятельная сестрица, числившаяся единственной получательницей страховки Джин на четверть миллиона фунтов. Будучи опытной медсестрой, сестрица наверняка знала

пару-тройку хитрых способов прикончить человека так, чтобы ей это сошло с рук. Необычайно невнятный отчет патологоанатома не добавлял ясности делу. Уголовная прокуратура рыла копытом землю.

Но сконцентрироваться все не удавалось.

Он покосился на часы и спросил себя, когда наконец явится этот самый Джером Рэйли, новый суперинтендант. Джером Рэйли. Про себя Мэл фыркнул. Ну и имечко! Суперинтендант уголовной полиции Джером Рэйли. Ни дать ни взять персонаж из дурацкого любовного романа. Ром Рэйли, высокий, темноволосый, обаятельный суперинтендант, звезда уголовной полиции.

Мэл захлопнул папку с делом Джин Рэдклифф, нетерпеливо шагнул к окну и выглянул наружу. Снаружи моросил дождь.

Если не врать себе, тогда следовало признать: он считал, что Джером Рэйли, варяг из столицы, заполучил это место потому, что вовремя подсутился, а он, Мэл, сдал ему все козыри. Впрочем, поделаться с этим он все равно ничего не мог. Оставался единственный вопрос: а в следующий раз? Неужели он собирается до пенсии гнить в кресле главного инспектора? Но для того, чтобы в следующий раз список претендентов на должность суперинтенданта начинался с его имени, он должен бортануть Джанин. Вслух этого, конечно, никто не говорил, но он и сам все прекрасно понимал.

***

Поднимаясь по ступеням здания суда графства Оксфорд, Хиллари спрашивала себя, почему она не пошла в архитекторы. Или в адвокаты. Или в библиотекари. Да хоть в зубные врачи, если уж на то пошло. Она получила хорошее образование, даже окончила Рэдклифф-колледж в

Оксфорде, и теоретически могла выбирать любую дорогу в жизни. И в такие дни, как этот, когда выпестованное ею дело рассыпалось у нее на глазах только потому, что какой-то зеленый разгильдяй в форме совершил микроскопическую административную ошибку, ей больше всего хотелось быть там, где можно было бы просто сказать «а теперь прополощите» какому-нибудь бедолаге, которому она только что прочистила канал. По крайней мере, голова болела бы у пациента, а не у нее.

И это уж точно было бы лучше, чем выбиться в офицеры полиции и иметь дело с зубастым и самодовольным адвокатом защиты, да вдобавок в присутствии скучающего, недовольного или унылого судьи, который скептически следит за вашей перепалкой.

— У тебя такой вид, словно тебя сейчас закатают на десять лет.

Хиллари удивленно подняла взгляд и узрела спускающегося к ней светловолосого улыбающегося красавца — инспектора Пола Дэнверса. Того самого, который проверял ее на предмет коррупции.

Это была последняя капля.

— Пол, — устало поздоровалась она. Известие о его переводе в Кидлингтонский участок ее не порадовало, но они, по крайней мере, зарыли топор войны и, как полагала Хиллари, на том и разошлись. Если бы только она могла читать мысли, которые в этот миг проносились в голове Пола Дэнверса, то поразились бы до глубины души.

Пол с самого начала не горел желанием расследовать незаконную деятельность Ронни Грина, а уж после знакомства с Хиллари Грин — и того меньше. Они с Кертисом Смитом, опытным следяком по внутренним делам, быстро нарыли доказательства того, что Ронни был замазан, но его уже практически бывшая жена осталась чиста как

ангел. И к счастью, потому что Пол сразу запал на Хиллари Грин. На жесткую, опытную, сексуальную Хиллари.

Неудивительно, что после окончания расследования, вернувшись в Йоркшир, Пол буквально места себе не находил. Наконец он выбил себе перевод в Оксфорд, кое-как убедив себя в том, что это чисто стратегический шаг. Такого рода переводы хорошо смотрятся в резюме, а он и так уже засиделся на одном месте. К тому же считалось, что на юге повышения раздадут быстрее.

В первые же дни в Кидлингтоне он пригласил Хиллари на ужин. К его удивлению, она согласилась. Ему показалось, что ужин прошел неплохо. Но с той поры все как-то вдруг застопорилось. От второго свидания она отказалась, и, хотя при встрече вела себя неизменно ровно и дружелюбно, видно было, что его общество не доставляет ей большого удовольствия. Однако Пол был не из тех, кто сдается без боя. Обширный список бывших побед служил ему неизменным источником уверенности в себе, да и приятная внешность тоже, знаете ли, не жук начхал.

Хиллари бросила взгляд на его спутницу, высокую симпатичную брюнетку, и Пол, с удовольствием подметив скользнувший в ее глазах интерес, торопливо представил дам:

— Прошу прощения. Инспектор уголовной полиции Хиллари Грин, это Луиза Беннетт, младший барристер. Луиза, Хиллари.

Хиллари с Луизой пожали руки. Младшая из женщин посмотрела на старшую с куда большим интересом, чем та, вероятно, ожидала. Да, Пол не прочь был напомнить Хиллари, что другие женщины находят его привлекательным, — пусть бросит этот свой равнодушный вид и посмотрит на него свежим взглядом, — но проблемы ему были ни к чему!

Хиллари неловко переступила с ноги на ногу. Не хватало еще, чтобы Дэнверсова нынешняя девица видела в ней соперницу. Неужели эта адвокатша всерьез думает, что Дэнверс может ею интересоваться? Мысль об этом вызвала у Хиллари какое-то непонятное чувство.

Дэнверс был моложе и уж точно симпатичнее ее. Ну и как такого принимать всерьез?

— Отчего такой мрачный вид? — с любопытством спросил Пол.

Хиллари отвлеклась от своих раздумий и быстро поведала им историю своей печали. Луиза чуть воспряла и выслушала с интересом, а потом сказала, что она как специалист оценивает шансы на обвинительный приговор как низкие, потому что ошибка в процедуре была совершена достаточно серьезная, и Гордон вполне может выйти сухим из воды. Хиллари это и без нее знала. Впрочем, подумала она, когда, улыбнувшись и распрощавшись со счастливой парочкой, вошла под тихие, прохладные, беспристрастные своды оксфордского суда, она из шкуры вон вылезет, лишь бы прижать этого мошенника к ногтю. Но конечно, ничего у нее не вышло. Это только в вестернах побеждает слабейший. Хотя зависит от точки зрения — можно ведь сказать, что в вестернах всегда побеждает закон и порядок.

***

Побежденная и взбешенная, она вернулась на «Моллерн» — пятнадцатиметровую лодку, служившую ей домом, — уже в темноте.

После отвратительного зрелища в суде, после бесконечного харкающего бурчания Фрэнка Росса, который думал, что напевает себе под нос, после всей этой игры в намеки и переглядки, которую устроили Мэл и Джанин, ей больше всего на свете хотелось погрузиться в горячую

ванну и выпить холодной водки. По всему выходило, что ни того ни другого ей не светит.

Лодка ее могла похвалиться разве что скромной душевой кабинкой, а бутылка водки хоть и стояла в холодильнике, однако Хиллари мучало подозрение, что начини она пить, и одной рюмкой дело не ограничится.

Когда любимый дядюшка разрешил ей пересехать на лодку, Хиллари полагала, что это ненадолго. Но тут умер Ронни, начались проблемы с наследством, потом внутреннее расследование и, наконец, зверолюббы со своими угрозами — в итоге без малого два года прошло, и она уже привыкла называть «Моллерн» домом в те минуты, когда не честила его на чем свет стоит.

Она налила себе кофе и порадовалась, что сезон путешествий по воде почти уже закончился. Летом «Моллерн» то и дело подпрыгивал на волнах от проплывавших мимо туристических судов. Хиллари села в единственное кресло в своей крошечной гостиной, закрыла глаза и подумала, а не заставить ли себя встать и включить телевизор. Вот только она не помнила, хватит ли на это заряда в аккумуляторах.

В конце концов отяжелевшие веки решили все за нее. Она выключила свет и упала в постель, совершенно обесилевшая, мечтая о хорошем сне часов на десять, не меньше. Начнется новый день, и все будет выглядеть получше.

Обязательно будет.

***

Новый день продлился минут десять. Вскоре после полуночи Хиллари разбудил звонок мобильного. Она нащарила выключатель, поднесла телефон к уху и зевнула:

— А-алло?

— Хиллари? Это Мэл. У нас тут подозрительная

смерть. Приезжай на ферму «Три дуба», Стипл-Бартон. Джанин и Томми я уже вызвал. — Он помолчал и извиняющимся тоном добавил: — И Фрэнка тоже.

Мэл не меньше всех прочих мечтал о том, чтоб Фрэнка Росса похитили инопланетяне. Поговаривали, что патрульные в Большом доме даже хотят скинуться на специальное радио, чтобы послать сигнал в далекий космос. С кем бы переговорить, чтобы тоже в этом поучаствовать, подумал Мэл.

Хиллари буркнула что-то утвердительное и снова широко зевнула.

— Да, Хилл...

— Сэр?

— Сведения скудные, но пока выходит, что дело дурно пахнет.

Хиллари на мгновение зажмурилась. Просто зашибись. Только этого ей не хватало.

Глава вторая

Не прошло и пяти минут, а Хиллари уже сидела за рулем автомобиля. С шоссе она свернула направо и направилась на север Оксфордшира, туда, где сгрудилась целая куча деревушек с названиями «Стипл» и дальше еще как-нибудь. Она знала, где находятся Стипл-Астон и Северный Астон, но для того, чтобы не пропустить поворот на Стипл-Бартон, пришлось держать под рукой открытую карту. Деревушка Стипл-Бартон оказалась самой мелкой из всех и венчала собой конец дороги где-то в самом сердце плодородной долины Черуэлл, тянувшейся от Деббингтона до Рошема.

Машина катила по проселочным дорогам. Свет фар выхватывал из темноты желтеющую листву деревьев, мокрую от дождя траву на обочинах, порой — блестящие глаза оленя или лисы. Только бы не кошка, молилась Хиллари. Меньше всего на свете ей хотелось переехать чужого мурзика. Она вела машину чуть быстрее, чем следовало бы в такую погоду, и отчетливо ощущала, как узка дорога и как высоки зеленые изгороди по обе ее стороны. Иногда вдавали мелькало светящееся окно, но автомобили на дороге отсутствовали как класс.

Однако, как только она оставила позади скопище сара-

ев и изгородей и свернула на узкую однополосную дорогу, ведущую к Стипл-Бартону, пустынная темная ночь разом сменилась настоящим световым шоу. Массивный квадратный фермерский дом сиял как рождественская елка, свет бил буквально из каждого окна. Стекла в машине были подняты, чтобы преградить путь осеннему холодку, но даже сквозь них Хиллари слышала гул голосов, какой мог исходить только от изрядной толпы собравшихся в доме.

Она нахмурилась, не понимая, откуда ночью посреди недели в скромном фермерском доме на краю цивилизации взялось такое количество зевак. Слухи так быстро не разносятся, да еще так далеко.

Ни патрульных машин, ни полицейских у дома она не увидела, а потому покатила дальше по грязной разбитой дороге, проклиная на каждом ухабе трактора и прочие молотилки. Вдруг деревня разом кончилась — ворота о пяти жердях и при них одинокий констебль несчастного вида. Хиллари опустила стекло, но констебль, по-видимому, узнал ее сразу, потому что уважительно кивнул и тут же отрапортовал:

— Еще ярдов четыреста вперед, мэ. Док уже там, криминалисты едут.

Хиллари подождала, пока он откроет ворота, и поехала вперед, морщась от звука, с которым раскатанная тракторами грязь шлепалась о днище ее автомобиля. Никогда еще Пуфф Трагический Вагон так не нуждался в хорошей автомойке.

Разбитая и подсыпанная щебнем колея под колесами накренилась, и Хиллари тяжело вздохнула. Куда она, спрашивается, едет? Если там, в конце этого ухабистого проселка, и впрямь кто-то живет, уединенности его существования позавидовал бы и отшельник. Присмотревшись, Хиллари поняла, что и проводов вокруг не видать — ни

телефонных, ни электрических. Тут свет фар выхватил из темноты кучку автомобилей, пару патрульных машин, нескольких человек в гражданском, а дальше Хиллари увидела прожекторы.

Подготовка к осмотру места преступления шла полным ходом. Все прожекторы были наведены на здание, больше всего походившее на большой проржавевший сарай. В мертвенно-белом их свете сарай светился призрачным серебром, словно незадачливый космический корабль, ненароком угодивший в перекрестье лучей.

Хиллари вышла из машины и про себя порадовалась, что надела самые старые туфли на плоской подошве, — с каждым шагом нога так и норовила утонуть в грязи. Сырой ветер предвещал новые дожди, а когда Хиллари была у самого сарая, в носу у нее зачесалось. Здесь стоял крепкий запах, который она узнала не сразу, но опознала, едва ступив на грязный бетонный пол и увидев черно-белые туши, которые беспокойно ворочались в своих стойлах.

Коровы. Целая куча коров. Одни безмятежно жевали сено из проволочных кормушек, другие, более пугливые, шарахались, когда Хиллари проходила мимо. И все были любопытные, все провожали ее взглядом трогательных бархатистых карих глаз, какие часто встречаются у коровьего племени. Ясно было, что это стадо фризской породы не привыкло к ночным гостям.

Примерно посередине просторного коровника переговаривалась кучка людей в белых костюмах — Хиллари помедлила, не зная, обозначено ли все вокруг как место преступления и надо ли соблюдать осторожность. Настилов для сохранения следов видно не было, вероятно, потому что земля, по которой изо дня в день бродит стадо коров, вообще плохо сохраняет следы и любые другие отметины.

Хиллари громко откашлялась. Из толчеи вынырнула золотистая голова Джанин Тайлер, и сержант подошла к Хиллари. В руках у нее была планшетка со схваченной зажимом стопкой бумаг — обычные СОПы (списки особых примет) и прочая макулатура, проклятие любого сержанта.

— Босс, — сказала Джанин и кивнула в сторону коллег, показывая тем самым, что путь свободен.

— Всем добрый вечер, я инспектор уголовной полиции Грин, старший следователь по этому делу, — без лишних вступлений объявила Хиллари. Большинство из присутствующих она знала, но не всех. — Что тут у нас? О, черт!

Она заморгала, не в силах поверить собственным глазам. Толпившиеся расступились, и она впервые увидела жертву. И осталась стоять, таращась на представшее ей зрелище, не в состоянии осознать увиденное.

Потому что на грязном, вонючем, покрытом коровьими лепешками полу лежала юная невеста в умопомрачительном белом платье.

Хиллари открыла рот и снова закрыла. Долгую секунду ей казалось, что она вот-вот проснется. У нее уже бывали такие яркие сны, нелепостью способные потягаться со скетчами «Монти Пайтона», но этот был безумнее всех.

Но в следующий миг чувство нереальности происходящего схлынуло, и Хиллари покачала головой.

— Что за чертовщина? — только и сказала она.

Покойница выглядела никак не старше двадцати. Густая копна высоко зачесанных рыжих с золотом волос некогда была уложена в дивной красоты прическу. Теперь волосы спутались в неряшливую массу и рассыпались по грязному бетону скверным подобием нимба. Широко открытые глаза были бархатистого карего оттенка, а под

пышным снежно-белым платьем скрывалась, как прикинула Хиллари, легкая и гибкая фигурка ростом что-то около метра семидесяти.

Платье поражало воображение — атлас, кружево, жемчужная вышивка ручной работы. От осиной талии корсажа разбегались широкие волны блестящего атласа. Не хватало лишь вуали да букета.

— Там в доме костюмированная вечеринка, босс, — сказала Джанин; объяснять не хотелось, но пришлось. Железная начальница, утратившая дар речи, — редкое зрелище, и Джанин охотно насладились бы им лишнюю пару секунд.

— А, — ровным голосом сказала Хиллари и кивнула. Что ж, теперь понятно, почему в доме такое столпотворение. — А это, я так понимаю, одна из участниц?

— Да, босс, — подтвердила Джанин.

Хиллари всмотрелась в тело, отметила искаженное в напряжении лицо, свисающий изо рта синеватый язык, крепко сжатые кулаки. При всем при том Хиллари даже сейчас видела, что при жизни девушка была очень красива. Рядом с телом стоял на коленях человек в белом костюме и энергично исследовал шею покойницы.

— Все признаки того, что душили руками, — вслух сказала Хиллари, не спрашивая, а скорее приглашая к беседе.

Доктор Стивен Партридж поднял взгляд и коротко улыбнулся.

— Похоже на то. И да, вы все равно спросите — умерла меньше часа назад. Бедные коровы.

Застонали все. Даже Хиллари.

Ее не шокировала грубая шутка — к черному юмору в полиции привыкаешь быстро. Она ни за что не поверила бы (в отличие от некоторых), будто Стивен Партридж относится к покойникам без уважения. На самом деле па-

тологоанатом был одним из самых чутких мужчин, каких она знала, в этом не могло быть сомнений. Просто... когда постоянно имеешь дело с такого рода вещами, надо как-то защищаться, и для многих этой защитой становится юмор, особенно черный и неполиткорректный.

За спиной послышались шаги, и Хиллари автоматически посмотрела себе под ноги. И тут же поняла, почему и тут не было настилов. Шанс найти след на грязном мокром бетоне, по которому каждый день топтались коровы, был самым призрачным.

Подожли Томми Линч и Фрэнк Росс, сгоравшие от любопытства.

Фрэнк глянул всего раз и присвистнул. Здоровяк Томми Линч явственно побледнел, хотя никаких других признаков потрясения не выказал.

— Шеф, — просто сказал он и стал терпеливо ждать указаний.

Хиллари снова повернулась к труп.

— На ней золотое кольцо, и, кажется, с настоящим бриллиантом. Золотой медальон, наручные часики, тоже вроде бы недешевые. Сумочка есть?

— Есть, шеф.

Полицейская в форме, видимо назначенная ответственной за улики, вышла вперед, держа в руках стопку пластиковых пакетов с уликами и опись.

— Кошелек был? — спросила Хиллари, не отвлекаясь на помаду, косметику, духи и прочую типично женскую мелочовку.

— Да, шеф, — немедленно ответила все та же ответственная за улики, женщина средних лет. — Содержимое: сорок фунтов банкнотами, два фунта монетами, сорок два пенса мелочью. Две кредитные карточки на имя Джулии Рейнольдс, карточка донора органов, там же водительские

права, упаковка презервативов и билет государственной лотереи.

Хиллари кивнула.

— Значит, не ограбление, — просто подытожила она и огляделась. Она слегка дрожала — сырой осенний ветер без труда проникал сквозь ржавые дыры в стенах и высоком полукруглом потолке. От скопища коров исходил пар, но, несмотря на это, в здании было необычайно холодно. От перестука копыт и звука трущихся друг о друга могучих боков волоски на загривке почему-то норовили встать дыбом.

Было что-то первобытное в этой сцене, что-то, затрагивавшее в душе такие струны, о существовании которых Хиллари и не подозревала. Может, дело было в подвечном наряде жертвы. Или в том, что ее задушили. Так или иначе, Хиллари казалось, что она забрела в какую-то нелепую сказку братьев Гримм — «Прекрасная невеста и жертвоприношение в коровнике».

— Ладно, народ, работаем, — резко сказала она, недовольная скорее собой, нежели другими. — Томми, Джанин, начинайте опрашивать всех на ферме. Вызовите местную полицию, пусть помогает, — добавила она прежде, чем Джанин примется возражать. — Публики тут, похоже, много. Найди мне местного бобби, такого, чтобы знал всех местных, надо с ним переговорить. Док, вы делайте свое. Кажется, там криминалисты подъехали. Надо расчистить им место. Фрэнк, найди фермера, или работника, или кто там отвечает за этот сарай, и расспроси, что и когда он тут делает.

Фрэнк хрюкнул.

— Да о чем его расспрашивать? Что он, стережет своих коров, что ли? Кому они нужны? Это ж не казино.

Хиллари смерила его взглядом, он бормотнул что-то

насчет сходства коров с офицершами и нога за ногу полпелся прочь. По дороге он пнул металлическую стойку ограждения у стойла, и безобидная корова в ужасе шарахнулась. Когда она ударилась о заднюю стенку стойла, коровник загремел словно гонг. Все подпрыгнули.

— Заявить бы на тебя за жестокое обращение, — крикнул кто-то, но Фрэнк Росс был большой мастак по части избирательной глухоты.

Хиллари поглядела на Джанин, которая сосредоточенно листала протоколы для опроса свидетелей.

— Еще что-нибудь, пока не завертелось? — спросила Хиллари без особой надежды. Джанин опередила ее всего минут на десять и вряд ли успела что-то разузнать.

— Босс, — неразборчиво ответила Джанин, зажав в зубах уголок бланка и перелистывая на планшете остальные. Потом разжала зубы. — Жертва — Джулия Рейнольдс, двадцать лет, живет с родителями в Киртлингтоне. Приехала с кем-то из гостей. Тело нашел сын фермера, некто Майкл Уоллис с подружкой... э-э... — она взгляделась в торопливую запись в блокноте, — Дженни Портер. Они побежали в дом и всем рассказали. Они на улице, в машине. Больше пока ничего.

Хиллари кивнула. Она не завидовала ни Джанин, ни Томми. Впереди у них ночь допросов, а гости скоро запросятся домой, в кровати.

— Ах да, Томми, — окликнула Хиллари, и молодой констебль с готовностью подбежал к ней. — Собери все фотоаппараты и пленки с вечеринки и отошли в нашу лабораторию, пусть напечатают. Вдруг там что-нибудь ценное.

Томми кивнул и черкнул что-то в блокноте.

Увидев, что входят первые криминалисты, Хиллари присела рядом со Стивеном Партриджем.

— Кожа под ногтями? — спросила она.

Он поднял затянутой в перчатку рукой ладонь невесты и оценивающе посмотрел на жемчужно-розовые ногти.

— Не удивлюсь. Когда тебя хватают за горло и душат, любой будет бороться.

Хиллари шумно вздохнула. Не любой и не всегда, но спорить было не время. Она огляделась и снова вздрогнула.

— Молодая, нарядная — зачем она вообще полезла в эту грязную дыру?

Док ухмыльнулся.

— Вы меня спрашиваете?

Хиллари засмеялась. Пристрастие доктора Партриджа к хорошей одежде было широко известно.

— Да уж, но все же: хорошенькая девица не пошла бы сюда даже ради свидания с любовником. А если ей захотелось подышать свежим воздухом, то, опять же, точно не здесь. — Хиллари закашлялась: воздух, пропитанный крепким коровьим духом, говорил сам за себя. — Допустим, ей надо было с кем-то переговорить без лишних ушей — но в большом доме наверняка нашлась бы укромная комнатка, а нет, так сад, и далеко ходить не надо. Может, ее выкрали из большого дома и притащили сюда силой?

Стивен Партридж пожал плечами и кивнул, указывая на длинные рукава, плотно облежавшие руки жертвы.

— Возможно. Но я не могу быстро осмотреть руки на предмет синяков. Придется подождать, пока она окажется у меня на столе.

— Мэм, — прервал размышления Хиллари чужой голос, и она подняла взгляд, ожидая увидеть полицейского фотографа или криминалиста, но перед ней стоял розовощекий парнишка в форме. Парнишка кивнул.

— Извините, мэ, мне сказали, что вы хотите со мной поговорить.

«Я — что?» — подумала Хиллари. Потом кивнула; ну да, точно.

— Вы, видимо, из этих мест. Я просила найти кого-нибудь здешнего.

— Да, мэ. Дэннис Уорнер. Я живу в Данс-Тью, это тут рядом, через дорогу.

Хиллари кивнула, встала, стараясь не замечать боли в спине, и медленно отошла от тела. Выйдя в сырую темноту, она сделала глубокий вдох, тут же об этом пожалела и кивнула в сторону дороги:

— Давайте отойдем.

Ее уже тошнило от этого вездесущего коровьего запаха. Дэннис Уорнер улыбнулся.

— Ко всему привыкаешь. Если здесь живешь.

Хиллари сразу ему поверила.

— Так, расскажите о ферме, — сказала она.

— Есть, мэ. Владельца зовут Оуэн Уоллис. Местный, здесь родился, здесь всю жизнь и прожил. Эта ферма, «Три дуба», она у них в семье уже бог знает сколько лет. В «Книге Страшного суда» их, наверное, еще нет, но в общем как-то так. В шестнадцатом веке Уоллисы все были «сэры», но потом титул куда-то подевался. Но в Стипл-Бартоне у них до сих пор есть несколько наделов. Раньше они пускали арендаторов, а теперь сдают городским, на выходные там, на праздники. Я думаю, там с одной аренды неплохие деньги идут.

Хиллари кивнула. Другой следователь на ее месте давно поторопил бы парня, но сама она не раз убеждалась: от того, что ты получше разберешься в местных делах, хоть бы и совсем из другой оперы, расследованию вреда не будет.

— В деревне его за это осуждали? — спросила она.

Дэннис пожал плечами:

— Да не так чтобы очень. У нас полдеревни пришлых. На ферме работников раз-два и обчелся. Да они и не жалуются. Взяли себе ипотеку на какой-нибудь старый домик и ищачат. Все как у всех.

Хиллари кивнула.

— Семья большая?

— Раньше была. А сейчас только сам старик Уоллис — то есть на самом деле он не старый, ему что-то около пятидесяти. Значит, Оуэн Уоллис, его жена Венди и их парень, Майкл. Эта вся гулянка — это они серебряную свадьбу решили отпраздновать.

Хиллари кивнула. Странно, что вечеринку закатили посреди недели; обычно празднества назначают на субботу. Интересно, почему Уоллисы решили по-своему?

— Что можете сказать об их сыне, Майкле? У него есть девушка?

— Да, из местных. Майкл учится в сельскохозяйственном колледже, наезжает только на каникулы. Вроде всем доволен, унаследует ферму после отца.

— Как с финансами?

— Не очень. До ящура было получше, — сразу же ответил Дэннис.

Неудивительно, подумала Хиллари, эта зараза всем здесь аукнулась.

— О? Уоллисы потеряли все стадо?

— Нет. Тут им повезло. Но все равно размах у них уже не тот, что прежде. По слухам, Оуэн Уоллис что-то такое затеял, чтобы подзаработать детишкам на молочишко. Что именно, никто не знает, но поговаривают, что Тео Гринвуд тоже в доле.

— Кто это — Гринвуд?

— Владелец гостиницы «Хейрик-инн» на главной дороге. Слышали, наверное?

Хиллари слышала. Гостиница была большая, шикарная. Владельцы предоставляли ее под разнообразные конференции высокого пошиба, сдавали местной элите и отнюдь не бедствовали.

— Они недавно наняли какого-то повара с телевидения, довольно знаменитого, да? — припомнила она.

— Ага. И владелец тоже был сегодня на празднике, вместе с сыном, Роджером.

Все это время они шагали по обочине проселочной дороги, и впереди уже маячили ворота. Хиллари молча развернулась и пошла в обратную сторону.

— Что по жертве, Джулии Рейнольдс?

— Она из Киртлингтона, мэм, там у дороги в Блетчингтон такой тупичок, и жилые дома вокруг, вот она там живет, — не задумываясь отрапортовал Дэннис. — Работает парикмахером на выезде, свое дело.

Хиллари подняла бровь.

— Надо же, а такая молодая.

Как правило, девицы, которых интересовал этот род деятельности, сразу после школы, лет в шестнадцать, шли на курсы или учились на практике, а потом устраивались в парикмахерскую, чтобы подметать полы, отвечать на звонки и учиться делу с самых низов. Что-то поинтереснее мыть головы им доверяли очень нескоро.

Деннис фыркнул.

— Джулия была пробивная, — ровным голосом сказал он. — То есть я ее не очень хорошо знал, — торопливо добавил он на случай, если Хиллари Грин начнет задавать вопросы. Дэннис был приписан к Бичестерскому участку и мало что знал о ребятах из уголовной полиции долины Темзы, но о Ронни-то были наслышаны копы во всем

Оксфордшире. А вдова его, как гласили слухи, так же чиста, как Ронни замазан. Поговаривали еще, что она очень стоящий детектив (что не всегда означало «хороший следователь») и что с ней всегда хорошо работать. Поэтому Дэннису меньше всего хотелось получить отвод на том основании, что он-де слишком близко знал жертву. — Мы просто учились в одной школе, тут рядом, а потом один мой друг с ней встречался пару месяцев.

Хиллари кивнула.

— Что о ней говорили?

Дэннис помолчал и посмотрел вверх, впервые заметив, что морозящий дождик быстро превращается в туман.

— Ну, она была из тех девчонок, которым вечно на месте не сидится, понимаете? — начал он, глубокомысленно помолчав. — Вечно у нее была куча идей, планы какие-то. И потом, она была красавица, так что никто не смеялся. Всегда все делала по-своему, и, если бы добилась чего-то, никто бы даже не удивился. С людьми ладила, умела, ну, понравиться. В смысле не только мужчинам, — хотя их-то вокруг хватало, — женщинам тоже. Ну, знаете, старушки такие, божьи одуванчики, она их стригла, красоту наводила. Вот они на нее посмотрят и думают, мол, сейчас она и из них сделает Кейт Мосс, ну а Джулия рада стараться.

Хиллари кивнула.

— Как она оказалась на празднике? Она дружила с кем-то из Уоллисов?

Последнее казалось крайне маловероятным. Что общего у парикмахерши из низов (пусть хоть какой очаровательной и амбициозной) и землевладельца из древнего (пусть и обедневшего) рода?

— Нет, мэм, это вряд ли. Я не знаю, но я бы сказал, что она почти наверняка приехала с кем-то из мужчин. Она

такие штуки любила. Ну, чтобы прийти завтра на работу и рассказать своим старушонкам, что, мол, в «Трех дубах» закатили шикарный вечер, и она там тоже была. Ее хлебом не корми, дай поразвлечься с шиком. С этими, как их, сливками общества.

Хиллари кивнула.

— Но теперь она на работу не пойдет, верно, констебль Уорнер? И ее старушонки будут сплетничать уже о ней.

Она прекрасно понимала восторг юного констебля, которому выпало работать с первым в своей жизни убийством, его энергичное стремление помочь тоже выглядело очень по-человечески, и все же Хиллари считала, что не помешает напомнить: здесь оборвалась человеческая жизнь, окончательно и навсегда.

Дэннис шумно сглотнул и замялся.

— Да, мэм, — деревянным голосом сказал он.

— У нее были братья или сестры?

— Нет, мэм, кажется, не было.

— Ладно. Составьте список ее друзей, кого знаете, и передайте констеблю Линчу. Можете сказать о ней еще что-нибудь полезное?

Дэннис Уорнер подумал, а как, собственно, отвечать на такого рода вопрос. Он понимал, что ему только что сделали мягкую, но выволочку, и говорить о покойной плохо не хотел. Хотя, по правде говоря, выволочку он заслужил. Он ведь и в самом деле почти позабыл, что бедняга Джулия теперь мертва, и все такое прочее.

— Я не кусаюсь, — сказала из темноты Хиллари Грин, и в голосе ее явственно звучала улыбка.

И тут Уорнер с облегчением припомнил, что, по слухам, Хиллари Грин — не из тех капризных сволочей, которые то голову откусят, то по плечу похлопают, как их левая пятка пожелает.

— Про нее говорили, что она любит поразвлечься, — осторожно начал он.

— Наркотики?

— Да нет, выпивка. Она любила выпить, надраться до чертиков. И еще говорили, что она может голову морочить сразу двоим мужикам, а то и больше, если ей так удобно.

— Ясно. Значит, к одиннадцати — половине двенадцатого она была как минимум изрядно навеселе, — прикинула Хиллари. — Она от алкоголя раскисала или, наоборот, начинала нарываться?

— Не знаю, мэм, — честно сказал Деннис.

Хиллари кивнула:

— Ясно. Выясните, если возможно. Так, пока все. Если хотите, идите к ребятам в большой дом, помогите им опрашивать свидетелей. Процедуру вы наверняка знаете.

— Есть, мэм, — сказал Дэннис и пошел назад, двигаясь по собственным следам вдоль разбитой колеи. Так вот, значит, что она за человек, эта знаменитая инспектор Грин. Если подумать, он еще легко отделался.

Хиллари вернулась к коровнику и подошла к «мондео» платинового цвета. В автомобиле горел свет и видны были два человека, устроившиеся на заднем сиденье. Если Хиллари поняла правильно, это были Майкл Уоллис с подружкой. На переднем пассажирском сиденье устроился констебль в полицейской форме; он подпрыгнул, когда Хиллари постучала в окно. Констебль был незнакомый, поэтому она предъявила удостоверение и сказала, обращаясь сразу и к нему, и к его пассажирам:

— Инспектор уголовной полиции Хиллари Грин, долина Темзы, Кидлингтон. Старший следователь по этому делу.

Она мотнула головой, приказывая констеблю выйти из машины, и негромко спросила:

— Майкл Уоллис и Дженни Портер?

— Да, мэм.

— Разговорчивые?

— Нет, мэм. Девушка типа расстроилась, плакала. Перекинулись парой слов. О жертве ничего. По делу тоже.

Хиллари кивнула, скользнула на пассажирское сиденье и повернулась к сидевшей позади парочке.

Дженни оказалась девицей довольно-таки простецкого вида, с длинными темными волосами и маленькими светлыми глазками. Она была одета крошкой Бо Пип: голубое платье с белым передником и пышными рукавами. Поперек ее коленей и коленей ее спутника лежал пастуший посох из бальзы с загнутым верхом. Там же, на коленях, лежала и шляпка в ромашках, которую девушка нервно сгибала то в одну, то в другую сторону. От этого шляпка утратила всяческий вид, и Хиллари понадеялась, что костюм не прокатный и с девушки не взыщут ущерб.

Майкл Уоллис, напротив, спокойно наблюдал за происходящим; он был одет пиратом. Более того, немного походил на Джонни Деппа из всех этих пиратских фильмов. Даже когда он сидел в машине, видно было, что он высок, по меньшей мере метр восемьдесят, а также является обладателем чуть вьющихся темно-каштановых волос, высоких скул и больших темных глаз, которые заставили бы устыдиться любую из коров его отца. Сдвинутая на лоб черная нашлепка придавала ему лихой вид. По мнению Хиллари, эти двое совсем не подходили друг другу. Ну да в таких вещах никогда не угадаешь.

— Вы Дженни, не так ли? — коротко улыбнулась она и протянула руку между спинок передних сидений. Девушка ответила быстрым рукопожатием и улыбнулась, явно расслабившись. — А вы — Майкл?

— Да.

Еще одно рукопожатие.

— Ну, что можете рассказать?

Она специально спрашивала как можно более расплывчато и смотрела при этом на Майкла. Опыт подсказывал, что вопрос, подразумевающий развернутый ответ, обычно более продуктивен, чем тот, на который можно ответить просто «да» или «нет». Особенно если задать этот вопрос мужчине в присутствии девушки, которая явственно нуждается в защите и утешении. В ситуациях такого рода Хиллари случалось получать самые ценные показания. И она готова была поставить свою месячную зарплату: если Майклу или Дженни есть что скрывать, она узнает об этом здесь и сейчас.

— Да что тут рассказывать. — В речи Майкла Уоллиса не было ни манерности высших классов, ни деревенского говорка — очень кстати для человека, который собирается заниматься земельными ресурсами. — У мамы с папой двадцать пять лет, вот и закатали вечеринку. Гости почти все их ровесники, и я, честно говоря, думал, что будет скучновато. Так оно и вышло.

Дженни Портер внезапно хихикнула и тут же, ахнув, закрыла рот рукой. Хиллари была почти уверена, что это нервное, а не прорвавшаяся природная смешливость.

Она улыбнулась в ответ.

— Ничего. Я понимаю, у вас шок. Ничего страшного.

Уж кто-кто, а эта простенькая незатейливая девица никак не походила на хохотушку.

— Спасибо, — шепотом ответила она.

— Да, Майкл, продолжайте, — сказала Хиллари.

— В общем, было скучно, и мы с Джен решили поразвлекаться, вот и ушли сюда.

Хиллари картинно уставилась в окно. Яркие желто-чер-

ные ленты полицейского ограждения отнюдь не делали коровник приятнее на вид.

— Я хотела посмотреть коров, — ответила на ее недоверчивый взгляд Дженни Портер, словно защищаясь. — Я понимаю, что это глупо, но я правда хотела.

Она даже несколько воинственно вздернула подбородок, но Хиллари просто кивнула. Слыхала она и более странные вещи.

Беда в том, что, когда тебе платят за подозрительность, трудно бывает поверить даже в самое правдоподобное объяснение. Впрочем, многолетний опыт помогает отделять зерна от плевел, и Хиллари вполне готова была поверить, что юная девица заурядной внешности, но с на редкость симпатичным и неплохо (по общепринятым меркам) обеспеченным бойфрендом очень даже могла захотеть посмотреть коров, если это означало возможность остаться наедине с объектом своих воздыханий. Стог сена в полнолуние был бы еще лучше, но при должной степени отчаяния сойдет и коровник в дождь.

— Значит, вы пришли сюда и... что дальше? Просто нашли ее? — спросила она, подпустив в голос толику недоверия.

— Ну да, — немедленно ответила Дженни, словно слегка обидевшись на недоверие. — Мы шли по дороге, говорили про летние каникулы в будущем году, чтобы съездить в какое-нибудь симпатичное место, на Корфу, или на Карибы куда-нибудь. — Дженни остановилась и перевела дух. — А потом зашли сюда, и Майкл рассказывал, чем хорошая доярка отличается от плохой, — она снова сделала паузу, чтобы вдохнуть, а Хиллари скрыла улыбку, — и... ну, целовались немножко, а потом Майкл сказал, что там, в коровнике, что-то есть, уж не корова ли выбралась

из стойла. Мы пошли туда... Майкл осветил зажигалкой, и... тут мы ее увидели. Целая груда белого.

Дженни Портер расплакалась. Хиллари сунула ей салфетку из коробки, которую еще раньше приметила на приборной панели.

Пока она сморкалась, заговорил Майкл:

— Я сразу понял, что дело плохо, поэтому вывел Дженни на улицу и сказал ждать, а сам побежал в дом звонить вам.

— У вас не было мобильного телефона?

— В доме оставил.

— Дженни, а вы заходили внутрь, пока ждали?

Дженни вздрогнула.

— Нет, что вы! Мне было страшно.

— Вы кого-нибудь видели, когда шли по дороге?

Они переглянулись и покачали головами.

— Звук автомобильного двигателя слышали? Или, может, кто-нибудь проходил мимо, когда вы вышли из дома?

— Нет, гостям было еще рано разъезжаться, — сказал Майкл.

— Вы ее узнали? — спросила Хиллари и увидела, как напрягся Майкл Уоллис. Он явно ожидал этого вопроса, и Хиллари было интересно, что он ответит.

— Да. Ее звали Джулия. Не знаю, с кем она приехала. Наверное, с кем-то из папиных приятелей. Я ее пару раз видел. По-моему, она из местных.

От внимания Хиллари не ускользнул быстрый встревоженный взгляд, который Дженни бросила на своего парня. Но была ли то тревога неуверенной в себе простушки, или у девушки были какие-то иные причины подозревать в чистосердечном рассказе Майкла какую-то чрезмерную открытость? Хиллари сделала мысленную пометку: выяснить, не принадлежал ли Майкл Уоллис к числу тех, кого

Джулия Рейнольдс держала на коротком поводке, и кивнула:

— Ясно. Можете отвезти Дженни домой. Но с вами еще свяжутся, чтобы взять показания в письменном виде.

Майкл кивнул. Похоже, перспектива его не радовала.

Хиллари вылезла из машины и вернулась в коровник. Криминалисты тихо делали свое дело, еще двое ждали рядом, чтобы отвезти тело в морг. Хиллари была уверена: надо искать мужчину, скорее всего, ревнивого любовника или неудавшегося бойфренда. Когда хорошенькую молодую девчонку не самого строгого поведения душат на вечеринке, не надо быть Эркюлем Пуаро, чтобы догадаться: кто-то из мужчин Джулии Рейнольдс превратился из любовника в убийцу.

Оставалось только выяснить, кто именно.